Робинзон Кузо
и ёлка из семи мачт

Антон Шешуков

Антон Шешуков

Робинзон Кузо и ёлка из семи мачт

https://litres.ru/74987128
SelfPub; 2026

Аннотация

В городе Петельки не растут деревья, и к Святкам здесь вяжут ёлку. Но в этом году пряжа кончилась, а крольчонок Тимоша так ни разу и не видел, как на ёлке зажигают звезду. Кузо смотрит на семь мачт «Сполоха» и придумывает, как устроить праздник. Только сумеет ли он позвать на него даже господина Колкого, который считает Святки пустой тратой времени?

Содержание

Глава 1. Снежинка, у которой шесть лучей 4
Глава 2. Город в старом свитере 10
Глава 3. Лавка, где холоднее, чем на улице 16
Глава 4. Колядка за закрытой дверью 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Антон Шешуков
Робинзон Кузо и ёлка из семи мачт

Глава 1. Снежинка, у которой шесть лучей

С тех пор как Кузо запел вслух, он пел каждый вечер.

Сначала мачты. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Потом песня. Пять нот, без слов. Теперь он не прятал её под нос, а пел так, что слышали все. Брамс подтягивал басом, не отрываясь от кастрюли. Пуговка — тоненько, из своей коробочки под койкой. Вега — звонко и чуть быстрее, чем надо. А Барсур стоял у руля и тихо гудел, не разжимая губ. Делал вид, что это ветер.

— Клеточек до весны всё меньше, — сказала Пуговка однажды утром и зачеркнула ещё одну в блокноте.

— Значит, пора, — сказал Барсур.

И повернул штурвал. Совсем чуть-чуть. Нос «Сполоха» отвернулся от тёплого солнца и посмотрел на север.

— Мы уже плывём туда? — спросил Кузо. — Где сияние спит?

— Нет, — сказал Барсур. — Туда весной. Пока лёд стоит, там нечего делать. Но подходить надо заранее. Потихоньку.

Слово «потихоньку» Барсур говорил редко. И всегда так, будто это очень важная корабельная команда.

С каждым днём становилось прохладнее. Сначала Шкот перестал жаловаться на жару. Потом Брамс достал из сундука вязаную жилетку и сказал, что она ему мала, хотя она была ему велика. Потом Уголёк в печи стал горячее и довольнее: в холод его все любили.

— Без меня вы бы тут все превратились в сосульки с усами! — трещал он. — Всех согрею. Только хвалите почаще.

Паруса «Сполоха» по ночам светились, как всегда. И, как всегда, ярче всего с той стороны, что смотрела на север. Кузо иногда выходил ночью на палубу и просто смотрел на них. Мама где-то там, на севере, пела эту песню. А паруса её как будто слушали.

Однажды вечером Брамс вышел на палубу с поварёшкой. Зачерпнул ветер, как суп, попробовал и долго чмокал.

— Ну? — спросила Вега. — Что завтра?

Брамс почмокал ещё.

— Снег, — сказал он.

Вега чуть не подпрыгнула.

— Снег? Настоящий?

Серебристая кошка Вега видела в своей жизни уже очень много: целые миры через окна, планету, которую можно обойти за три дня, квадратный дождь и круглый. Но ещё со-

всем недавно она не видела даже ночи. А снега не видела никогда.

— Самый настоящий, — сказал Брамс. — С неба.

Вега не спала полночи. Утром она первая выскочила на палубу. И замерла.

Небо было белое и тихое. И из этой белизны падали хлопья. Медленно. Неслышно. Они ложились на палубу, на канаты, на перила. На нос Шкота, который сидел у борта с открытым ртом и ловил их языком.

— Они не стучат, — прошептала Вега. — Дождь шуршит. А эти совсем молчат.

Она вытянула лапу. На тёмный рукав её плаща цвета грозового неба опустилась снежинка. Вега поднесла к ней свои круглые медные очки, как лупу.

И ахнула.

Снежинка была похожа на крошечную звёздочку из стекла. Тонкую-тонкую, с узором, как кружево. У неё было шесть лучей.

Вега поймала вторую. Шесть лучей. Узор другой, а лучей шесть.

Третью. Шесть.

— Пуговка! — закричала Вега. — Иди скорей! Они все разные! И у всех шесть!

Пуговка вылезла в своей синей курточке, на ходу зачеркнула клеточку в блокноте — пятьдесят четыре до весны — и поймала снежинку на ладошку. Посмотрела, подышала на

неё, и снежинка растаяла.

— Это потому, что вода, когда замерзает, складывается шестиугольными колечками, — сказала она. — Крошечные частички воды встают вот так, как соты у пчёл. Поэтому и лучей всегда шесть. А узор каждый раз свой: смотря как снежинка летела, где было теплее, где холоднее.

— Ты откуда знаешь? — спросила Вега.

— Профессор рассказывал, — сказала Пуговка. — Пока я строила ему лагуну. Он про воду знает всё. Он же в ней живёт.

Вега поймала ещё одну. И ещё. Сорок снежинок, и все разные. Самую красивую она понесла показать Кузо. Несла на ладони и не дышала. Не донесла: снежинка стала капелькой.

— Как будто их делает один мастер, — сказала она. — Но ни разу не повторяется.

Снег шёл весь день. К вечеру из белой пелены показалась земля.

Острова. Невысокие, округлые, белые. На них не было ни одного дерева. Только снег, камни и маленькие серые точки, которые медленно двигались по склонам.

— Это кто? — спросил Шкот.

— Овцы, — сказал Барсур.

В бухте лежал городок. Каменные домики стояли тесно, как будто грели друг друга боками. На крышах у них росла трава, сейчас седая от снега. Из труб поднимался дым.

Когда «Сполох» подошёл ближе, Кузо разглядел странное. Фонарный столб на набережной был обмотан шарфом. Полосатым, длинным, с кисточками. Следующий столб — тоже. На трубах сидели вязаные шапки с помпонами. На причальных тумбах, к которым привязывают корабли, были надеты толстые носки.

— Город в свитере, — сказала Вега. — Пуговка, ты видишь? Город носит свитер!

Только свитер был старый. Шарфы на столбах выцвели, у шапок свисали нитки, на одном носке зияла дыра, и в ней серел камень тумбы.

— Как называется? — спросил Кузо.

— Петельки, — сказал Барсур.

Все повернулись к нему.

— Ты тут был? — спросил Кузо.

Барсур долго смотрел на город. На старые шарфы, на дым из труб, на причал. Глаза у него стали такие, как бывают, когда смотришь не на то, что перед тобой, а на то, что было давно.

— Бывал, — сказал он.

И больше ничего не сказал.

Кузо поправил на шее свой красный шарф. Длинный, толстый, с бахромой и тёмными точками на концах. Шарф был у него всегда, сколько он себя помнил. Сначала он волочился по земле, и дед говорил: «Носи. Он на вырост». Потом Кузо дорос, и шарф стал как раз.

Странно. Он ни разу не спрашивал, откуда этот шарф взялся.

Глава 2. Город в старом свитере

Утром Пуговка зачеркнула клеточку. Пятьдесят три. И все пошли в город.

Все, кроме Барсура. Он сказал, что у капитана на корабле дела, и остался у руля. Хотя дел никаких не было: «Сполох» спокойно стоял у причала, привязанный к тумбе в дырявом носке.

И кроме Уголька. Уголёк жил в печи, а дух очага далеко от огня не уходит, это все знали. Он только высунулся из дверцы и крикнул вслед:

— Принесите мне что-нибудь интересное! Шишку! Или сплетню!

Петельки были крутые. Улочки бежали от моря вверх, ступеньками. Снег на ступеньках был утоптан до блеска. Пахло дымом, мокрой шерстью и чем-то печёным.

Жили в городе овцы, бараны, кролики, пара старых козлов и один очень гордый петух. Все были в вязаном. В свитерах с оленями, в свитерах со снежинками, в полосатых гетрах, в варежках на верёвочках. Шапки у всех были с помпонами. У петуха помпон торчал прямо из гребешка.

Но никто не улыбался.

Жители проходили мимо, кивали и смотрели себе под ноги. Многие свитера были старые, штопаные, с локтями другого цвета.

Посреди площади стоял высокий железный конус. Как ёлка, только из прутьев: пустая, насквозь просвечивает. На макушке торчал одинокий крючок. Под конусом сидели три крольчонка и лепили снежный ком. Без особой радости.

— Это что? — спросил Шкот.

— Ёлка, — ответил самый маленький крольчонок. — Только голая.

Он был совсем небольшой, белый и такой пушистый, что казался облаком на четырёх лапах. Вернее, на трёх. Одну заднюю лапку он держал на весу, а под мышкой у него был деревянный костылик.

— Почему голая? — спросила Вега.

— Потому что пряжи нет, — сказал крольчонок. — Деревья у нас не растут. Совсем. Поэтому ёлку мы вяжем. Каждый дом вяжет зелёную ветку, и их все натягивают вот на это. А на самый верх — звезду. И зажигают. Я ни разу не видел, как зажигают. В прошлом году я болел. А в позапрошлом был маленький.

— Он и сейчас маленький, — сказала крольчиха постарше и отряхнула снег с варежек. — Я Мотя. А это Тимоша, мой брат. Вы с того корабля, который светится?

— С него, — сказал Кузо.

— Пойдёмте к нам, — сказала Мотя. — Мама вас накормит. Ну, чем-нибудь накормит.

Дом Бобиных стоял почти на самом верху, у ветра на ладони. Маленький, кривоватый, с вязаной шапкой на трубе.

Внутри было тесно и прохладно. В печке горели две щепки.

Бобины оказались кроликами-ангорами: шерсть у них длинная-длинная и пушистая. Когда мама Кудель вышла к гостям, Брамс сначала решил, что к ним вышло облако в переднике.

— Ангорская шерсть — это от кроликов? — удивилась Пуговка. — Я думала, от коз.

— От коз — мохер, — сказала мама Кудель. — А ангора — это мы. Нас не стригут. Нас вычёсывают. Весной вычешешь, спрядёшь — и вот тебе самая тёплая пряжа на свете.

Крольчат у Бобиных было шестеро. Старшая Мотя. Четверо средних, которые всё время толкались, прятались под столом и задавали вопросы хором. И младший, Тимоша.

Тимоша родился со слабой задней лапкой. Он не умел прыгать. А крольчонку не уметь прыгать — это всё равно что птице не уметь летать. Но Тимоша был самый весёлый в доме. Он ловко скакал на костылике, раньше всех смеялся над шутками Брамса и первым подставил лапы, чтобы Шкот покатал его по полу.

— А где папа? — спросил Кузо.

— На складе, — сказала Кудель. — Он у господина Колкого шерсть сортирует. Каждый день, с утра до ночи.

Она сказала «господина Колкого» тихо, как говорят про погоду, которую нельзя изменить.

— Это кто?

— Ёж, — сказала Мотя. — Ему принадлежит вся пряжа

на острове. Вся-вся. Осенью он скупил у овец всю стрижку. И теперь продаёт моток втрое дороже, чем раньше. А в долг не даёт ни мотка.

— Почему в долг? — спросила Вега.

Мотя покраснела. Мама вздохнула.

— У нас тут была привычка, — сказала Кудель. — На Святки все вяжут подарки. И все хотят, чтобы подарок был лучше, чем у соседей. Шарф длиннее. Свитер толще. Варежки с узором, какого ни у кого нет. Пряжи на это надо много. Вот и брали у Колкого в долг. А потом до самого лета отдавали. Мы тоже брали. В прошлом году связали Тимоше такой свитер, что он в нём не мог согнуть лапы. До сих пор должны.

Тимоша гордо кивнул. Свитер, видимо, был великолепный.

— Святки — это что? — спросила Вега. Она про многое знала из книг, но про Святки там не было.

Все крольчата заговорили разом. Брамс поднял лапу, как дирижёр, и Мотя объяснила по порядку:

— Святки — это двенадцать праздничных дней посреди зимы. В эти дни встречают и Новый год. Ходят колядовать: от дома к дому, поют под окнами колядки, такие песенки. А хозяева выходят и угощают певцов. У очага вешают носки. Утром в них находишь подарок.

— Почему в носки? — спросил Шкот. Носков у него не было, и ему было интересно.

— Чтобы подарок не потерялся, — объяснил Тимоша. — Носок его держит.

— А в этом году? — спросил Кузо.

Стало тихо. Средние крольчата перестали толкаться.

— А в этом году никто ничего не вяжет, — сказала Мотя. — Пряжи нет. Ёлки нет. Колядовать никто не собирается: какая колядка, если и угостить нечем. Святки уже завтра вечером, а город будто их не ждёт.

Пуговка оглядела дом. Старые свитера на крючках. Дырявые варежки на верёвочке у печки. Две щепки в огне.

— Почему у вас так прохладно? — спросила она осторожно. — Вы же все в шерсти.

— Шерсть-то греет, — сказала Кудель. — Но если в доме дров нет, никакая шерсть до конца не спасёт. А дрова у нас дорогие, привозные. Деревьев-то нет.

Тимоша подскакал к окну. Окно смотрело вниз, на бухту, на «Сполох» с его семью мачтами. В сумерках паруса уже начинали светиться.

— У вас мачты как ёлки, — сказал Тимоша. — Высокие. Я бы на них звезду повесил.

Кузо тоже посмотрел на мачты. И ничего не сказал. Но что-то у него внутри щёлкнуло, тихонько, как замочек.

— Я бы хотел один раз увидеть, как зажигают, — сказал Тимоша, ни к кому не обращаясь. — Ёлку. Один раз.

Брамс полез в сумку и молча выложил на стол всё, что у него с собой было: полкаравая, банку мёда и три печёных

яблока. Крольчата налетели, как снег на окно.

А Кузо всё смотрел вниз, на светящиеся мачты.

Глава 3. Лавка, где холоднее, чем на улице

Склад господина Колкого стоял у самого моря. Большой, каменный, с узкими окнами и железной дверью. Над дверью висела вывеска:

«КОЛКИЙ И МАРЛЯ. ШЕРСТЬ. В ДОЛГ НЕ ДАЁМ».

Буква «Л» в слове «МАРЛЯ» почти стёрлась. А вот «В ДОЛГ НЕ ДАЁМ» кто-то недавно подкрасил.

— Я одна схожу, — сказала Вега. — Я умею разговаривать по делу.

— Я с тобой, — сказал Кузо. — Я умею разговаривать по-доброму.

Брамс и Пуговка остались у Бобиных. Шкот пошёл на причал ловить рыбу: он сказал, что пустой стол — это неправильно.

Внутри склада было темно и холодно. Холоднее, чем на улице. От пола до потолка стояли полки, а на полках — мотки пряжи. Белой, серой, рыжей, чёрной. Тысячи мотков. Вдоль стены тянулись сундуки, большие и маленькие, на каждом висел замок.

В углу за высокой конторкой — узким столом для письма и счёта — сидел кролик. Такой же облачный, как Тимоша, только большой и усталый. Папа Бобин. Он разбирал шерсть

по цвету и время от времени грел лапы над одним-единственным угольком в железной миске. Этого уголька хватало только на то, чтобы не мёрзли кончики пальцев.

А посреди склада, за столом с толстой книгой, сидел ёж.

Он был старый. Иголки у него были седые и торчали во все стороны, будто их никто никогда не причёсывал. На носу — очки-половинки. На плечах — длинное серое пальто с заплатами на локтях. На лапах — митенки, это такие перчатки без пальцев: удобно считать монеты. Ёж считал. Перекладывал монеты из одной кучки в другую и шевелил губами.

Шарфа у него не было. Во всём городе, где шарфы носили даже фонарные столбы, у него одного шея была голая.

В тыквочке на поясе у Кузо жил сверчок Цюй-Цюй. Он всегда стрекотал, когда вокруг тепло, и затихал, когда холодно. Не только от погоды. От сердец тоже. Сейчас Цюй-Цюй замолчал так резко, будто его выключили.

— Закрыто, — сказал ёж, не поднимая головы.

— Дверь открыта, — сказала Вега.

— Для покупателей открыто. Для остальных закрыто. Вы покупатели?

— Мы с корабля, — сказал Кузо. — Мы хотели спросить про пряжу. Для ёлки. В городе ёлки нет.

— Мне это известно, — сказал ёж. — Я живу в этом городе семьдесят лет. Деньги есть?

— Немного, — честно сказала Вега.

— Немного — это сколько?

Вега высыпала на стол всё, что было у неё в кошельке на поясе. Ёж посмотрел поверх очков и придвинул к ней один моток. Маленький. Зелёный.

— На это — вот.

— Это на одну ветку не хватит, — сказала Вега.

— Значит, будет полветки, — сказал ёж. — Чепуха и мишура.

— Что? — не поняла Вега.

— Чепуха и мишура, — повторил ёж. — Святки ваши. Вязаная ёлка, вязаные подарки, вязаные носки на тумбах. Чепуха. А под чепухой знаете что? Долги.

Он открыл свою толстую книгу и повернул к ним. На страницах столбиками стояли имена и цифры.

— Каждую зиму, — сказал ёж, — они идут ко мне. Дай пряжи. Побольше. Сосед связал шарф в три лапы длиной, а мы свяжем в пять. А после Святок эти шарфы лежат в сундуках, моль их ест, а мне все должны до самого лета. И смотрят на меня так, будто это я виноват. Хватит. В этом году — без долгов. Без долгов — значит без праздника. Сами виноваты.

Кузо открыл рот. И закрыл. Он не знал, что ответить: про долги рассказывала и Кудель.

Тут дверь скрипнула. Вошли две пожилые овцы в одинаковых вязаных шляпках.

— Господин Колкий, — сказала первая. — Мы от Святочного совета. Я тётушка Ярка, а это тётушка Руна. Собираем на подарки тем, у кого совсем ничего нет. Хоть по мотку на

дом. Сколько вы дадите?

— Нисколько, — сказал ёж.

— Вы хотите остаться неизвестным? — догадалась тётушка Руна.

— Я хочу остаться при своей пряже, — сказал ёж. — До свидания.

Овцы переглянулись и вышли.

Папа Бобин за конторкой очень тихо кашлянул.

— Господин Колкий, — сказал он. — Завтра Святки. Можно мне завтра не приходить?

Ёж поморщился, будто проглотил что-то кислое.

— Опять, — сказал он. — Каждый год одно и то же. День не работать, а платить за него. Ладно. Но послезавтра — на час раньше.

— Спасибо, господин Колкий.

Кузо собрался с духом. Он вспомнил, как Брамс всегда говорит: не знаешь, что сказать, — позови к столу.

— Господин Колкий, — сказал он. — Приходите к нам. На корабль. Завтра вечером, на Святки. Брамс испечёт пирог. Мы будем петь. И мачты будем считать. Это весело.

Ёж медленно поднял голову. Впервые за весь разговор посмотрел на Кузо прямо. И взгляд его остановился на шарфе.

Он смотрел долго. Потом встал из-за стола, подошёл ближе и прищурился. Протянул лапу в митенке, но не дотронулся.

— Петля знакомая, — сказал он. — Плотная. Так у нас

давно никто не вяжет. Где взял?

— Он всегда был, — сказал Кузо.

— Всегда — это не ответ, — сказал ёж. — Всегда ничего не бывает. Каждую вещь кто-то сделал. Каждую петлю кто-то провязал.

Он постоял ещё. Потом отвернулся и сел обратно к монетам.

— Никуда я не приду. Ни на какой корабль.

— Но почему? — спросил Кузо. — Один вечер. Что вам стоит?

— Один вечер стоит одного вечера, — сказал ёж. — А мне и в своём неплохо.

И тут Кузо не выдержал. Он сам не понял, как это вышло. Просто вспомнил двух овец в шляпках. И уголёк в миске у папы Бобина. И Тимошу у окна.

— У вас, наверное, и сердце колючее, — сказал он.

Ёж вздрогнул.

Совсем чуть-чуть. Иголки на спине вдруг поднялись, все разом, а сам он втянул голову и сжался, как будто его ударили. На один миг он стал похож на клубок.

Потом выпрямился. Взял монету. Положил в кучку.

— Дверь, — сказал он, — вон там.

Кузо и Вега вышли. Железная дверь хлопнула за спиной. На улице было теплее, чем внутри.

Цюй-Цюй в тыквочке осторожно застрекотал.

Кузо шёл по скользким ступенькам вверх и молчал. Он

шёл звать в гости, а сказал такое, что даже Брамсу не пересказажешь. И ещё ему не давало покоя одно: как ёж вздрогнул. Злые так не вздрагивают.

— Он первый начал, — сказала Вега.

— Знаю, — сказал Кузо.

Но легче от этого не стало.

Глава 4. Колядка за закрытой дверью

Ночью Кузо не мог уснуть. Лежал и слышал своё «У вас и сердце колючее». Оно звучало в голове снова и снова, и каждый раз хуже.

Он вышел на палубу. Снег перестал. Над бухтой висели звёзды, острые и мелкие, как соль. Паруса светились.

Мачты скрипели на холоде. Кузо немного умел слышать, о чём они скрипят. Не словами, а как будто слова за стенкой: понятно, что говорят, но не всё.

Сейчас они скрипели одно и то же. Тихо, сонно, все семь.

«Лесом… Мы были лесом… Лесом…»

Кузо положил лапу на седьмую мачту. Она была холодная и гладкая. Когда-то, далеко на севере, она росла изо льда деревом. Среди других деревьев. А теперь стоит на корабле. И, может быть, иногда скучает.

Утром он рассказал про это Пуговке.

— В городе нет ёлки, — сказал он. — А у нас семь.

Пуговка поняла сразу.

— Чтобы нарядить семь мачт, — сказала она, — нужно пряжи столько, сколько у всего города нет. Мы и одну ветку не купили.

— Знаю, — вздохнул Кузо.

— Пятьдесят два, — сказала Пуговка и зачеркнула клеточку. — И сегодня Святки.

День прошёл у Бобиных. Папа Бобин был дома, первый раз за много дней, и не знал, куда деть лапы. Всё время что-то чинил.

Мама Кудель учила Пуговку вязать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.